Вата, или Не все так однозначно

Автор:
Роман Емельянов

Вата, или Не все так однозначно

Роман Емельянов

Претендент на бестселлер!

2015 год. Москва. К генеральному директору крупного рекламного агентства Андрею Черданцеву приходит интересный клиент. Его не интересуют промоpолики, BTL-проекты и прочая мишура, ему нужна информационная война на просторах интернета на стороне Украины. Андрей, считающий деньги мерилом свободы, разумеется, соглашается. Создаются герои войны, придумываются инфоповоды и мемы. Но вскоре рекламному агентству поступает еще одно аналогичное предложение – с противоположной стороны. Черданцев… принимает и его.

Роман Емельянов

Вата, или Не все так однозначно

Оформление серии – Петр Петров

Беляев

Добравшись до кабинета, я первым делом включил компьютер и попросил принести кофе. Секретарша принесла еще и свежую прессу, письма, договор на подпись.

– К вам там пришли, Андрей Константинович.

– Кто?

Ненавижу утренние визиты. Первые два часа предпочитаю просматривать газеты и журналы, блуждать по Интернету, постепенно погружая себя в социальную жизнь. А после предыдущих переговоров вообще хотелось забыть обо всем и выпить водки в любимом замшелом баре в подвале неподалеку. Но он, к сожалению, еще закрыт…

Она протянула мне визитку.

– Роман Николаевич Беляев, – прочитал я. – Общественный фонд «Гармония». Вице-президент.

На визитке были изображены рукопожатие и белый голубь. Я улыбнулся, вспомнив девяностые и наш креативный прорыв с фондом «Доверие». Похоже, здесь потрудились наши единомышленники. Никакой информации из такой визитной карточки выудить нельзя, но она подсознательно вызывает чувство доверия, и вместе с тем складывается ощущение, что принадлежит человеку серьезному.

– Юлечка, дай мне пять минут на кофе и при- глашай.

За это время я успел расправиться не только с напитком, но и выкурить сигарету.

Хозяин визитки оказался человеком достаточно молодым, подтянутым. На нем был приличный синий костюм, держался он уверенно – протянул руку, представился и без приглашения сел на ближайший ко мне стул, поставив рядом

спортивную сумку, которая входила в конфликт с остальными аксессуарами и как бы взывала к окружающим: «Немедленно замените меня на Луи Виттон!»

– Чем могу быть полезен? – Я предложил ему закурить, он отрицательно покачал головой, я закурил сам. – Не возражаете?

– Курите на здоровье, – улыбнулся он своей банальной шутке. – Я бросил, но с удовольствием смотрю на то, как другие убивают себя. Но пришел не за тем: мы нуждаемся в ваших услугах.

– Я весь к вашим услугам. Что будем продвигать? Что вас интересует? Наружная реклама, радио, телевидение, пресса, Интернет, спецпроеты, BTL? Любой каприз за ваши деньги! – Я забрасывал удочки, пытаясь понять, как общаться с клиентом. К каждому человеку необходим индивидуальный подход. И сделать это нужно максимально быстро, буквально в первые секунды разговора. Кто-то любит юмор, кому-то надо льстить, кто-то клюнет на пафосный и серьезный диалог. Роман Николаевич Беляев оказался клиентом непростым. Визитка предполагала серьезную беседу, но его поведение и бородатые шутки обещали диалог легкий и непринужденный. Я ждал: за что из сказанного мной он зацепится – за формальную составляющую или шутку в конце, чтобы далее развивать общение в определенном русле. Но тот ни на что из вышеперечисленного не отреагировал.

– У вас же нет специального образования в рекламной индустрии, Андрей Константинович? – У посетителя был явно свой план развития разговора.

– Нет, но, если это так важно, я могу вам посоветовать несколько рекламных агентств, которые возглавляют люди с дипломами. – Постарался, чтобы это прозвучало шутливо. Но он не клюнул.

– Полагаете, образование – вещь необязательная?

– Как вам сказать, – я перешел на серьезный тон, – образование, конечно, вещь необходимая. Она дает определенный инструментарий, набор знаний и официальный билет на поезд. Но в то же время, когда вам нужна помощь или вы ищете сотрудника, в его диплом вы смотрите в последнюю очередь. Что такое менеджер? Это определенный набор качеств: дисциплина, организованность, исполнительность, стратегическое мышление, порядочность, корпоративная

преданность… Если вам нужен продавец, то ему грош цена без обаяния, целеустремленности, актерских способностей и т. д. и т. п. Нужен креативщик? Ищем нестандартные мозги, в меру парадоксальное мышление, юмор, вкус… Может ли обладатель всех этих качеств не обладать дипломом? И может ли обладатель диплома не обладать ни одной из столь важных черт? И что важнее для дела – талант или бумажка? – Беляев пристально смотрел на меня, понимая, что вопрос риторический. Я продолжил: – Скажу вам так – руководитель или специалист по кадрам, который принимает решение, опираясь на листок с институтскими оценками, с моей точки зрения, человек сам по себе скучный и бесталанный, но наверняка обладает красным дипломом. Так чем мы можем быть полезны? – Я потушил окурок.

– Надо продвинуть бренд.

– Продолжайте.

– Вы в курсе событий, которые сейчас происходят в Украине?

Я постарался не выдать удивления. Судя по всему, речь пойдет о политике, а применение предлога «в» указывало, как минимум, на симпатию определенной стороне.

– Да, на Украине сейчас бардак… – как бы невзначай забросил я наживку, но гость, как и в предыдущих случаях, ее проигнорировал.

– Поверьте мне, пройдет совсем немного времени, и установится порядок, новый порядок. Но готовиться надо уже сейчас. Нам нужен креатив. Бренды. Как положительные, так и отрицательные.

– Вы хотите создать негативное отношение к чему-то?

– Точно.

– К чему?

– Я не могу рассказать вам всего, пока вы не возьметесь за работу.

– Я так не работаю. Мы не в казино. Втемную невозможно понять, в моих ли это силах и законно ли это.

– Это хорошо оплачиваемо. Наличными. Лично вам. Конкретно это – аванс, – Беляев поставил на стол сумку, расстегнул. Я невольно подался вперед и заглянул в раскрытую пасть неизвестности. Оттуда на меня пялились аккуратно сложенные пачки долларов. Около пятисот тысяч, на глазок прикинул я.

– Предложение серьезное. – Я невольно вытер вмиг вспотевшие ладони о джинсы.

– Серьезное, – Беляев был непробиваем.

– И опасное.

– Почему?

– Что-то мне подсказывает, что удачное его выполнение может войти в конфликт с интересами… – Я пытался подобрать слово, но ни «страны», ни «России» не клеились и казались чересчур громкими, – с интересами в общем.

– Поверьте, если все получится, то мы в первую очередь будем заинтересованы в том, чтобы ни одна живая душа не узнала о том, что это некий искусственно созданный продукт. Напротив, мы приложим все усилия, чтобы скрыть ваше участие, и рассчитываем на взаимность. Более того, в случае успеха бюджет будет увеличен, а ваша личная премия будет очень щедрой.

– А в случае неуспеха? – Мысленно я прикидывал, сколько из денег, лежащих на столе, мне придется пустить в дело, а сколько я смогу отнести в ячейку.

– Хочется верить только в благополучный исход. У вас серьезный опыт, и не такие задачи решали. Но, если вдруг вы потерпите фиаско, обещаю, никаких претензий к вам не будет.

Я закурил. Проклятый Беляев загнал меня в угол, в темный и пыльный угол алчности. Он все четко рассчитал и, вероятно, выбор пал на меня не только по причине таланта, но и в результате анализа моего образа жизни. Отказываться

от таких денег глупо. Как говорила моя бабушка: «Бьют – беги, дают – бери». Правда, еще она говорила: «Не зарекайся круто срать, как бы дристня не прохватила». А эта история могла закончиться плачевно. Черный нал… Опасные деньги и странное задание. Рассказать об этом Маше? Поставить в курс дела главного акционера? И что тогда будет? Придется отдать львиную часть денег? Или того хуже, она откажется. Еще бы, с ее-то государственным супругом. И все? «Извините, но мы вынуждены отказаться от чемодана денег, отдайте его кому-нибудь менее разборчивому!» Конечно, нет. Может, я шел к этому делу всю жизнь! Может, это и есть тот самый шанс вырваться, улизнуть, взлететь над крышами и вернуть самого себя, вернуть свободу. В конце концов, они пришли не просто в контору, они пришли ко мне, именно ко мне, им нужен я, мой талант, а мне нужны их деньги, так зачем нам посредники?

Беляев смотрел в окно, не мешая моей внутренней борьбе, словно понимая, что со мной происходит. Вот же гад.

– Я согласен, – произнес я, возможно, чуть эмоциональнее, чем следовало.

– Прекрасно! – Роман Николаевич просиял. Он вдруг резко переменился, сдержанность слетела с него, словно от порыва ветра. – Спасибо вам большое! Огромное!

– Но мне нужно четкое тэзэ.

– Конечно! – Беляев подскочил ко мне и начал трясти мне руку. Создавалось ощущение, что это я сделал ему огромное одолжение и вывалил перед ним кучу денег. – Я свяжу вас с Антоном Пасичником, это наш маркетолог, он будет держать связь с нашей стороны и все детально обрисует. Еще раз огромное спасибо!

Беляев, наконец, закончил трясти мою конечность и стремительно двинулся к выходу.

– Простите, – окликнул его я, – вы забыли… тут…

– Это ваше, это на старт, – бросил он через плечо и вышел из кабинета.

Звонкая тишина повисла в кабинете – так бывает, когда после взлета самолета закладывает уши. Я таращился на сумку. Сумка таращилась на меня. В дверь постучали, я резко закрыл гигантский кошелек и кинул его под стол.

– Да?

– Андрей Константинович, – Юля заглянула с пустым подносом, – можно чашку забрать? – Я кивнул. – К вам там еще рвется на прием Андрей Чижов.

– Нет! Никаких Чижовых! Мне надо поработать, подумать в тишине, ни с кем не соединяй!

Юля вышла, я тихо подошел к двери и закрыл изнутри на ключ. Почему-то на цыпочках я подошел обратно к столу, извлек сумку, открыл и пересчитал деньги. Семьсот. Семьсот тысяч долларов США. Я аккуратно вернул пачки на место, а сумку под стол. Сел в кресло. Надо остыть и подумать. Задачу я понимал пока слабо, но было очевидно, что для ее выполнения надо собирать специальную команду. Команду из преданных людей, способных держать язык за зубами, которые при качественной мотивации будут выдавать блестящие идеи.

Дверная ручка задергалась.

– Юля, я же сказал: «Никого»! Я работаю! Важный клиент!

– Андрей, сделаешь для меня исключение? – Этот голос я узнаю из миллиона других. Маша. Я поспешил открыть дверь.

Мария вошла, нет, вплыла в кабинет. Годы не делали ее старше, они делали ее иной. Она не старела – менялась. Из куколки, угловатого создания превратилась в великолепную бабочку. Размах ее крыльев, красота узоров… И она могла быть моей. Да нет, это просто сон, иллюзия, мираж.

– Андрей, ты работаешь над чем-то важным? – Мария Викторовна уселась в мое кресло и любезно предложила мне занять гостевой стул, еще хранивший тепло Беляева.

– Да… Полно заказов.

– Ты что-то говорил о важном клиенте.

– Водка. Сменился хозяин у «Кремлевской Необыкновенной». Я знаком с новыми владельцами, им нужно с нуля разработать брендбук, продумать правила цитирования, рекламную кампанию.

Маша улыбнулась. Поверила. Спустя годы она продолжала получать радость от работы. Я объяснял это тем, что она не нуждалась в деньгах и поэтому сохраняла чистоту восприятия творческого процесса и мира в целом. Мол, будь я так же богат, и я бы относился к труду, как к хобби. Хотя на деле это было скорее чертой ее характера, частью сущности. Она умела оставаться собой в любых обстоятельствах. Может, ей это было дано от рождения, а может, она воспитала в себе эти качества. Я знаю мало таких людей и себя, например, не могу отнести к их числу. Особенно себя. Большинство «человеков разумных», кажется, имеют родственные связи с хамелеонами, меняясь соответственно внешним обстоятельствам и своей роли в них. С иными приходится знакомиться несколько раз. Когда у них проблемы или ты им нужен, они мягкие и компромиссные, услужливые и щедрые по отношению к тебе. Случись же в их жизни счастливый поворот, они проходят мимо и не узнают тебя, легко забывая все, что ты для них сделал. Эта амнезия – очень удобная штука, позволяет экономить силы и сохранять здоровый глубо- кий сон.

«Хорошо, что я ей про водку вчера ничего не рассказал, а то пришлось бы на ходу что-то изобретать» – пронеслось у меня в голове.

– Хорошая новость! Уверена, ты придумаешь что-то необычное, – Маша оживилась, задвигалась и задела ногой сумку под столом. Удивилась: – Ты начал заниматься спортом?

– Все обещаю себе… с понедельника.

Маша вскочила и пошла к выходу, по дороге хлопнув меня по плечу:

– Уже вторник! И раз уж ты в понедельник идешь в спортзал, бросай курить, у тебя тут дышать нечем. Жду хороших новостей по «Кремлевской»!

И Маша исчезла так же ярко и внезапно, как и появилась, оставив тонкий шлейф вкусных духов, который я автоматически потянул носом. «Килиан».

Кейс № 1. Водка

Когда к власти пришел Горбачев, в стране вообще, а в моем дворе в частности, зародились свобода, гласность, разруха, сухой закон и кооперативное движение. Соседний же двор стал центром мира, потому что по какой-то иронии судьбы практически в каждой квартире именно этого дома жила бабушка, готовая производить и реализовывать алкогольную продукцию. И нарекли место сие «Пьяный дворик». Хочу отметить тот факт, что ни один из моих знакомых ни разу не отравился этим пойлом, употреблено коего было весьма и весьма немало. Даже ваш покорный слуга нет-нет, да и забегал между или вместо уроков в этот «дворик», дабы скоротать за ближайшими гаражами несколько часов и отполировать свой взгляд на мир до того состояния, в котором он переставал вызывать отвращение. Если везло, удавалось сдобрить этот пир батоном горячего хлеба, который нам отпускали за десятую часть цены вороватые грузчики на ближайшем хлебозаводе, а иногда получалось раздобыть и парочку целых сигарет. Впрочем, окурки никто не отменял. В то время найти хороший окурок было не так уж и просто. Когда случается кризис, люди начинают тщательнее уничтожать любые продукты. Бутерброд, который мог быть не доеден еще пару лет назад, исчезал без следа, и даже крошки со стола шли в ладонь, а потом в рот; бутылку молока или пива после опустошения еще долго трясли над открытым ртом, выдавливая последние капли, а сигареты курились не то что до фильтра, но часто и вместе с ним. Поэтому хороший окурок был в то время на вес золота. Если таковой и валялся на асфальте, то недолго. Их подбирали бабушки, складывали в стеклянные банки и продавали у метро.

Водки всегда мало. Ее бывает довольно только, когда пить либо не хочется, либо здоровье уже не позволяет. Раздобыть денег на новую бутылку в то время было непросто и в ход шли различные ухищрения. Например, мы разбивали лампы дневного освещения, брали белый химически опасный порошок с внутренней стороны стекла и пальцами втирали его в медные монеты. Через пару минут они становились серебряными и только «решка» позволяла отличить три копейки от двадцати, а две от десяти, так как размер у них был абсолютно одинаковый. С этими монетками на ладошках, «орлами» к небу, мы и бегали у таксофонов,

останавливая прохожих просьбой разменять, мол, «позвонить очень надо». И пятнадцать копеек превращались в рубль, если тебя не ловили и не отводили в милицию, конечно. Впрочем, по дороге в ближайшее отделение всегда можно было спастись, пустив слезу и пожаловавшись на непростую жизнь, отца-алкоголика и нищету.

Но рано или поздно наступал тот горький миг, когда и пятнадцати копеек было не сыскать. Я помню его, я и сейчас могу ощутить его буквально физически. Вот мы с Мишкой сидим на гараже, ошалело смотрим на мир, и начинаем понимать, что спасительный эффект опьянения постепенно испаряется, возвращая нас в серую реальность. Мишка был моим лучшим другом и вообще лучшим человеком, которого я тогда знал. Мы понимали друг друга с полуслова.

– Андрюх…

– Нет.

– Вообще?!

– Может, четыре копейки…

– Фигово…

– Да…

Несмотря на то, что денег не наблюдалось, мы все равно были счастливы и почему-то уверены, что эта проблема каким-то образом решится. И она всегда решалась. Приходил какой-то знакомый, и у него случайно была горячая буханка хлеба, за которой его мать отправила в магазин и которой не суждено было попасть на обеденный стол, или это была сгущенка, или просто деньги. Мы не беспокоились о завтрашнем дне. Нас не заботило даже то, что может случиться в ближайший час. Мы сидели на старом ржавом гараже, свесив ноги, и глазели на проезжающие машины. Где-то там, за стенами министерств и государственных дач медленно умирала огромная великая держава, а мы были юны, трава была бесконечно зеленой, а дни были очень-очень длинными, настолько, что в них находилось время абсолютно для всего, даже для первых ростков здравых рассуждений.

– Миш…

– А?

– Задачка. В каждой квартире этого дома гонят самогон. Как ты думаешь, сколько в среднем зарабатывает каждая бабка в этом доме?

– По-разному, – Мишка поморщил лоб, – все зависит от этажа.

– Этажа?

– Ну, да… Дом пятиэтажный, без лифта. Водка у всех в общем-то одинаковая. На фига переться на второй этаж, если можно получить то же самое на первом?

– Логично. Тем более большинству и первый этаж дается не сразу…

Миха достал из кармана горсть семечек и половину отсыпал мне. Я попробовал съесть несколько штук, но сдался и вернул их Мишке, завистливо глядя, как он их ловко щелкает и мастерски сплевывает лишнее.

– Не умею есть семечки. Что-то с ловкостью языка не то. Дистрофия языковых мышц… Языковой барьер, так сказать.

– Ты слишком много книг читаешь.

– Мне нравится. Особенно фантастика.

– Сейчас бы водки достать… Вот это была бы фантастика.

– Нет ничего невозможного. Вот я сейчас читаю про чувака, он в общем попал в такую специальную школу для особенных людей, они там умеют летать и все такое…

– Тоже мне особенные, – Мишка хмыкнул. – Я вчера Тохе Тихомирову на лестнице такой пендаль дал, что он летел, как истребитель, хоть и не особенный нифига…

– Блин! Дослушай. В этой школе их еще учат читать мысли, но один из главных уроков – на внимание и сосредоточенность. Ему учитель говорит: «Вот тебе ручка. Обычная шариковая ручка. Изучи ее до мелочей и приходи». Ученик целый час сидел, рассматривал ручку со всех сторон, пришел к учителю, типа все. А тот задал ему пару вопросов про ручку, а он ответить и не может…

– А покороче книг у тебя нет?

– Да все уж почти, потерпи. Целый день, короче, сидит – ручку рассматривает, то царапинку новую найдет, то вмятину… Учитель его под вечер спрашивает: «Готов?», а тот ему: «Нет, дайте мне еще пару дней».

– Охренеть. Вот люди с пользой время проводят, пока мы здесь…

– Мих, я так понял, что если сосредоточиться на чем-то и внимательно изучить вопрос, то можно решить любую проблему!

– Это да… У тебя ручки нет взаймы? А то я свою до дыр уже засмотрел! – Миха заржал, и мне стало как-то обидно. Хмель еще не окончательно выветрился и настойчиво, наперегонки с мочой бил в голову.

– Вот я щас сосредоточусь и придумаю, как раздобыть пузырь.

– На что спорим, что ты сосредоточишься и в лужу пернешь?

– Если я проиграю… То поцелую Лизку Шкерину! – Лизка была самая красивая девчонка в районе. Я с ней и заговорить-то боялся.

– А я? – подзадоривал меня Мишка.

– А ты тоже, если проиграешь, ее поцелуешь! – Я протянул руку. Он крепко сжал ее, а второй разбил, закрепив факт спора.

– Вообще-то я с ней уже целовался, – Миха сплюнул последнюю порцию шелухи и, отряхнув ладони, спрыгнул с гаража. – Но слово – не корова! Тащи пузырь.

Я аккуратно слез вниз, повисев сначала на руках и задумчиво осмотрев «пьяный дом». Там, в тишине однокомнатных квартир, в полумраке пыльных комнат таилось несметное количество «пузырей». А мне был нужен всего-то один. Глубоко вдохнув пряный воздух летней Москвы, я зашагал в сторону ближайшего подъезда. Мишка весело присвистнул мне в спину, то ли подбадривая, то ли издеваясь.

Спустя полчаса я вынырнул из сырой пасти подъезда. Мишка ждал меня, сидя в песочнице, ковыряясь в песке забытым кем-то совочком. Заметив меня, он удивленно замер. Моя рубаха сильно топорщилась, явно скрывая что-то под собой. Миха встал.

– Что?

– Целуйся со своей Лизкой!

– Брешешь! – Но голос Михи не звучал уверенно, а взгляд сверлил рубаху, словно пытаясь заглянуть сквозь волокна ткани и полиэтиленового пакета. Я торжественно пригласил его заглянуть мне за пазуху и увидеть не только три бутылки водки, но и пару соленых огурцов, немного кислой капусты в прозрачном пакетике, завязанном на узелок, да в придачу половинку бородинского.

Уже через минуту мы сидели за гаражами, Мишка достал из кармана складной стаканчик и, встряхнув его, протянул вперед, я же аккуратно выковырял пробку и на треть наполнил его. Миха взял в другую руку огурец, резко выдохнул, опрокинул стакан, выждал пару секунд, поморщился и сначала понюхал огурчик, а после аккуратно откусил небольшой кусок, отломил черного хлеба, засунул кусок целиком в рот и налил мне.

– Рассказывай.

– Наша бутылка только одна, – я выпил свою порцию и запустил пальцы в капусту, – две мне понадобятся для… В общем, еще не очень знаю, но будут нужны.

– Колись, что ты сделал? Замочил старушку? Ты стер отпечатки пальцев? Она сопротивлялась?

– Ну, я вот что решил…

– Нет! Только не говори мне, что ты ее трахнул! – Мишка заржал. – Конечно, это проще, чем поцеловать Лизку, но я не уверен, что мы останемся после этого друзьями!

– Идиот! – Я тоже хохотал, алкоголь уже стукнул своей веселой кувалдой по моему юному мозгу, и пришла эйфория от успешно проведенной операции. – Во-первых, она не такая и старая. Ей всего шестьдесят четыре где-то. А во-вторых, я ей не понравился и пришлось искать другие варианты.

– Какие? – Мишка выпил вторую стопку, достал из-за уха сигарету, зажег спичку о подошву и прикурил. На людей, которые не знали, что к ботинку приклеен «черкаш», этот трюк всегда производил впечатление. – Не томи!

– В общем, идею дал мне ты, – Миха удивленно вскинул бровь, – я поднялся на последний этаж, позвонил в первую попавшуюся квартиру, точнее постучал, звонок не работал…

– К черту подробности!

– Дверь открыла милая старушка. – Я не спеша налил водки, выпил и закусил, растягивая удовольствие от всепоглощающего внимания и нетерпения Михи, вытащил у него изо рта сигарету, затянулся. – Мы с ней познакомились. Знаешь, у нее дети и внуки такие сволочи! Вообще ее не навещают и деньгами не помогают, вот она и гонит…

– Это ты гонишь, давай уже к эндшпилю! – Я недавно научил Мишку играть в шахматы, и он гордился знанием шахматной терминологии.

– Короче, предложила мне выпить чаю, пирожками угостила, вкусными, кстати. Ты был прав. Клиенты до пятого этажа доходят редко, поэтому торговля у нее идет не очень, одна-две бутылки в день. А этих бутылок у нее, я тебе скажу… Полкухни заставлено. Короче, я предложил помочь. Сказал, сделаю так, что она будет продавать минимум вдвое больше. Договорились, что если это действительно произойдет, то она мне в качестве оплаты будет давать одну бутылку в день. Вот, собственно, и все.

– А эти три она с чего тебе дала?

– Ну, я ей сказал, что мне нужна пара бутылок для осуществления плана, ну, а потом сказал, что лучше три. И она дала еще бутылку, а потом сказала, что я на внука ее похож и что закусывать надо обязательно. Вот.

– Класс… – Мишка допил водку, откинул ногой пустую бутылку и потянулся ко второй. – Как говорится, между первой и второй…

– Не, Мих, стоп! – Я отодвинул пакет от него подальше. – Реально может понадобиться.

– Ты сбрендил? – Миха смотрел на меня, вытаращив глаза. – Тебе реально, то есть нереально повезло. Забудь про эту бабку, поржали и хватит!

– Не, Мишк, я так не могу. Я должен хотя бы попробовать ей помочь.

– Ты че, один ее хочешь выпить? Или к Лизке с ней завалиться? Так она тебе все равно не даст, – Мишка завелся, решив, что я хочу его как-то надуть.

– Да нет, ну правда, хочу помочь. Я ей вроде как слово дал…

Мишка обиженно вытер губы и, демонстративно громко сплюнув, развернулся и зашагал прочь:

– Иди ты в жопу! Тимуровец…

Я остался сидеть на покосившемся деревянном ящике, размышляя о бренности всего сущего, о мимолетности радостных мгновений и тяжести неизменно приходящей следом грусти, ну, и о том, как увеличить продажи Александры Федоровны из восемнадцатой квартиры.

Мама жарила картошку. Я сидел за кухонным столом и, урча пустым животом, предвкушал скорый ужин. Масло скворчало на чугунной сковородке и иногда плевалось, пытаясь ошпарить. Фантастический запах витал в кухне и сводил

меня с ума. Отец сидел напротив, разгадывал очередной кроссворд. Рядом лежал свежий номер «Крокодила» на «после ужина». Иногда он озвучивал вопросы вслух, как бы давая нам с мамой шанс проявить себя. Но мы им не пользовались. Мама потому что была занята готовкой, а я был увлечен разработкой плана по продвижению нового бренда «Александра Федоровна» в среде алкашей. Конечно, таких слов как «бренд» и «продвижение» я тогда еще не знал, но цели были очевидны.

– Па-а-ап, – нарушил я молчание.

– М-м-м? – не отвлекаясь от кроссворда, промычал отец.

– Скажи, ты водку любишь?

Отец оторвал глаза от газеты. Он почти не пил и был уверен, что давно привил и мне ненависть к алкоголю.

– А что это тебя вдруг водка заинтересовала?

– Да мы по химии недавно таблицу Менделеева проходили, – сочинял я на ходу, – так химичка говорила, что водку тоже он изобрел. Вот я все и думаю, зачем люди водку пьют? Она же невкусная. А как праздник, так она всегда на столе…

– Понятно, – объяснение вроде устроило, и папа решил ответить серьезно: – Понимаешь, Андрей, она конечно невкусная, но иногда, по праздникам… В Новый год там, или на день рождения… Когда хорошая веселая атмосфера… И под хорошую закуску, селедочку под шубой, к примеру, то можно.

– А как на природе хорошо идет! – воодушевившись, включилась в беседу мама. – Если в лесу да под шашлычок, у костерка, с дымком словно…

– Да-а! – подхватил отец. – И чтобы соленья всякие были, и свежий помидорчик, лучок… И пахнет сосновыми ветками, и шашлычок уже почти готов…

– Костя… – мама опомнилась первая.

Тут же и отец очнулся от фантазий:

– Но, в общем, это самое… Пить нехорошо, понимаешь?

– Конечно, понимаю, пап! Мам, у тебя картошка не сгорит?

– Ох ты… Точно! – и все засмеялись.

И мы сидели втроем на кухне, ели подгоревшую картошку. И она была очень вкусная. Потому что сейчас так картошку никто не жарит – соломкой, до корочки. И потому что это был один из немногих тихих вечеров в семье, когда все вместе за одним столом. Хотелось поставить время на паузу. Тогда никто ни на кого не кричал. Вечер в семье, существованию которой было отведено совсем немного времени. Незримая трещина уже пробежала между мужчиной и женщиной, и остановить ее разрушающий рост было невозможно. Но тогда я этого не знал. Зато я точно знал, что буду делать завтра…

На следующее утро мы с Мишкой принялись за работу. Конечно, сначала помирились. Это была чудесная пора, когда ссоры вспыхивали на ровном месте, казались неисправимыми трагедиями, но гасли так же молниеносно, без последствий и осадка.

Прихватив «промоматериалы», то есть водку, пластиковые стаканчики и хитрые физиономии, мы уселись в «Пьяном дворике» на лавочке. Это была настоящая засада. Мы наблюдали за происходящим вокруг и классифицировали людей, появлявшихся в нашем поле зрения. Поток жаждущих смочить горло уже к одиннадцати утра был довольно плотным. Люди ныряли в сырые дебри подъездов и выныривали оттуда спустя пару минут с добычей. Кто-то сразу спешил прочь, ибо имел план – где, с кем и когда опустошить приобретенное. Кого-то прямо здесь поджидала компания из двух-трех человек, и они, не откладывая столь приятное действо «на потом», укрывались либо за гаражами, либо занимали одну из лавочек. Попадались и одинокие волки; выходя из подъезда и щурясь на солнечный свет, они оглядывали окрестности в поисках компании, к которой можно было бы присоединиться. Было много завсегдатаев, которые зачастую даже не знали друг друга по именам, но встречались в этом дворе только для того, чтобы залить печаль, поругать Горбачева и снова разойтись по своим домам и работам. Еще одна категория, заинтересовавшая нас, – «халявщики». Это были люди, как правило с наиболее пропитыми лицами, не имеющие достаточно собственных средств для покупки водки. Они отирались

около компаний, вливались в подслушанные разговоры в надежде на то, что будут приняты в «общество» и получат свою дозу. Это именно те персонажи, что первыми откликаются на вопрос: «Кто сбегает еще за одной?»

Понаблюдав за всем этим со стороны и обозначив первые цели, мы с Мишкой разделились на две оперативные группы по одному человеку, вооружились бутылкой водки и, поклявшись тратить ресурсы экономно, отправились на первую в нашей жизни промоакцию.

Механика действий была проста: мы внедрялись в компанию, поддерживали беседу, рассказывали пару заранее подготовленных ударных свежих анекдотов про Михаила Сергеевича, угощались водкой уже симпатизирующих нам людей, морщились и критиковали ее, и главное – рассказывали о том, что не вся самогонка в «Пьяном дворе» одинакова. И несмотря на то, что внешне все бутылки похожи, содержимое разнится по качеству. Мы предлагали не закусывать сразу после выпитой рюмки, а прочувствовать всю «сивушность» послевкусия разбавленного водой спирта «Рояль». Мужики нам начинали вторить, что это действительно безобразие, травят нашего брата, а с другой стороны – куда деваться, сухой закон и бла-бла-бла, Горбачев, бла-бла-бла, будь он трижды бла-бла-бла. И в этот момент мы с хитрым выражением лица выуживали из-за пазухи, словно кролика из шляпы, свои 0,5 от Александры Федоровны. Смотрите, мол, купили домой на праздник, но по нескольку капель для пробы, чтобы наши новые друзья почувствовали разницу, просто обязаны налить. Мужики смотрели на нас недоверчиво, а мы, разливая по стаканчикам, вешали им лапшу на уши про то, что есть тут одна бабка, которая не просто сивуху гонит, а подходит к этому процессу «сверхтехнологично и с душой», кроме всего прочего, она настаивает свой продукт на сосновых ветках, отчего водка даже отдает «легким дымком костра» (все рекламные «месседжи» я подцепил из вчерашнего общения с родителями).

Удивительно, какой силой самовнушения обладает человек. Большинство наших болезней, депрессий, да и положительных эмоций – следствие волшебной способности мозга внушить себе самому все, что угодно. Стоит лишь краем уха услышать о существовании какой-то новой болезни, и наш мнительный разум начинает внимательно прислушиваться к организму в поисках подходящих симптомов, и, разумеется, тут же их находит, при этом зачастую с радостью, мол, «Ну, я же так и знал!». Эта чудесная человеческая способность была описана еще Джеромом К. Джеромом в его знаменитой книге, про «Мнимого больного» я и вовсе молчу.

Один известный продюсер как-то мне сказал, что человеку для борьбы с мнительностью необходимо регулярно и много пить: «Алкоголь, Андрей, лучший антидепрессант. Он расслабляет и тормозит летящее на автопилоте желание искать в себе недуги физического и психологического свойства. Пей, проживешь дольше».

Реклама, точнее, правильно приготовленная реклама – продуманная и талантливая, действует на нас точно так же. Она роняет зерно, а плоды мы взращиваем сами. Она запускает механизм, который заставляет нас начать убеждать самих себя в том, что нам что-то очень нужно, просто жизненно необходимо. Итогом работы этого механизма рано или поздно становится покупка. В тот летний солнечный день мы впервые стали не только свидетелями этого процесса, но и его инициаторами. На наших глазах происходило чудо. Любители, я бы сказал даже «профессионалы», алкопотребления начинали находить в нашей, ничем не отличающейся от любой другой, водке оттенки и вкусы, о которых мы им говорили. Более того, запущенный агрегатор самоубеждения самостоятельно наращивал обороты и продолжал работать уже в автономном режиме. Наши собутыльники начинали додумывать и придумывать все за нас. Кто-то умудрился помимо «сосновых веточек» и «дымка костра» распознать «привкус пшеницы», кто-то авторитетно заявил о «правильной очистке воды», Михалыч из соседнего двора многозначительно прищурился и сказал, что слышал, дескать Александра Федоровна из восемнадцатой до перестройки работала на ликеро-водочном и знает все тонкости производства, мужики активно закивали, а я мысленно отметил, что это хорошая тема, которую стоит развить в будущем.

Казалось, цель была достигнута: мы запустили слух о том, что среди всего сивушного однообразия есть островок качества и особенного вкуса. И адрес этого чуда – первый подъезд, пятый этаж, квартира номер восемнадцать, Александра Федоровна. Оставалось ждать результат. Мы с Мишкой воссоединились на гаражах, пьяные и довольные собой. Миха достал из кармана пачку «Астры».

– Дукатская? – с видом знатока спросил я, вытягивая сигарету без фильтра. В этот момент надо было быть очень аккуратным, ибо весь табак мог легко высыпаться.

– Ну! – многозначительно ответил Миха.

Дешевые сигареты без фильтра под маркой «Астра» выпускало несколько фабрик, но на вкус они были абсолютно разными. Именно «Астра» с фабрики «Дукат» не так сильно драла горло и обладала сладковатым привкусом, за что и ценилась. Впрочем, в рамках моей новоиспеченной теории о самовнушении, я тянул сигарету и думал, не стал ли я сам жертвой подобного рекламного хода. Надо сказать, что рекламы как таковой до недавнего времени в СССР не было. Была разве что ее имитация. Например, активно продвигались такие бренды, как «Аэрофлот» и «Интурист». Но цель у подобного продвижения могла быть лишь одна – вызвать чувство гордости у населения, ибо конкурентной среды, в которой было бы необходимо бороться за клиента, попросту не существовало. Альтернативы «Аэрофлоту» не было, пользоваться услугами «Интуриста» простые граждане не могли себе позволить, а иностранцам эта реклама тоже была до лампочки, ибо они могли ее увидеть, лишь будучи уже клиентами этих компаний.

Появление кооперативного движения начало ломать наше представление о рекламном рынке. Мы наконец-то почувствовали, что кому-то нужны. Ларьки, растущие, словно грибы после проливного дождя, зазывали нас яркими вывесками и этикетками, кавказские продавцы цветов громко выкрикивали достоинства именно их товара, наперсточники устраивали целые шоу, имитируя выигрыш крупной суммы якобы случайным прохожим, финансовые пирамиды обещали миллионы процентов прибыли уже через месяц, а гипнотизеры и парапсихологи – избавление от энуреза уже через несколько сеансов. Чем сильнее страна погружалась в хаос и нищету, тем громче кричала реклама. В тяжелые времена откуда-то, словно из-под земли, выползают аферисты, маги, жулики, политики и бандиты. У людей в кризисной ситуации просыпается непоколебимая вера в чудо. Как раковые больные в момент, когда традиционная медицина оказывается бессильна, уповают на волшебное исцеление при помощи корня китайских грибов, так и обыватели в кризисную пору тянутся к чему-то сверхъестественному, верят в невероятное. «Сниму порчу», «Верну мужа в семью», «Закодирую на удачу в бизнесе»… Все столбы обклеены этой ересью, она печатается в ежедневных рекламных газетах, толщина которых может конкурировать с «Войной и миром». Не все, конечно, поддаются этому коллективному помешательству, и специально для них на арену выходят рэкетиры, бандиты, которые, как и все вышеперечисленные персонажи, отбирают у вас деньги, но делают это просто, открыто, не маскируя свои намерения ширмой благих намерений, чем, кстати, вызывают даже некоторую симпатию. Дети, на вопрос родителей о грядущем выборе профессии, уверенно отвечают: «Пойду в рэкетиры». А родители задумчиво кивают в ответ: «А что, там неплохо платят, в отличие от нашего НИИ…»

Вечерело. На улицах Москвы становилось тихо и опасно. Мы с Михой терпеливо ждали окончания торгового дня. С волнением следили за клиентами, заходящими в первый подъезд, гадая, «наш» или «не наш». Постепенно поток посетителей «Пьяного дворика» скудел, превращаясь из мощной горной реки в спокойный ручей, а затем и вовсе иссох. Все утолили жажду, насытили своего зеленого змия, пополнив карманы торговцев жидким наркотиком мятыми рублями и огромным количеством медной мелочи.

Мы снялись с якоря и двинулись к дому, Миха остался дожидаться меня в песочнице, а я с замирающим сердцем отправился к Александре Федоровне, узнать, как прошел торговый день. Следуя по разбитым лестницам затхлого подъезда, некогда окрашенного в традиционные зелено-белые цвета, от которых мало что осталось, я изучал надписи на стенах, сделанные гвоздями и фломастерами, и на потолке, исполненные копотью от спичек. «Маша дура», «Горбачев-…», «ДДТ», «Алиса», «Машка-какашка», «ГРОБ», «Маша – проститутка». «Надо будет узнать у бабы Шуры, кто такая эта Маша и в какой квартире проживает», – подумал я и тут же получил ответ на этот вопрос: на одной из дверей красной краской, наискосок, широкими мазками было коряво написано «Смажь кровать, дура!». Привет от добрых соседей – ценителей тишины, ненависть к скрипу кровати, как чему-то неестественно живому в этом мрачном подъезде, населенном в основном людьми, чьи кровати давно уже не скрипят… В ритм сильным толчкам и звонким шлепкам плоти, ржавые пружины радостно оповещали округу о том, что здесь и сейчас вершится величайшее из чудес – акт, олицетворяющий силу жизни и тонус тела. Но стены подъезда были глухи к этим скрипучим призывам восстать и начать совокупляться, разве что пожилая бездомная дворняга Шарик, наведывающийся иногда сюда, чтобы погреться, поднимал свой горячий сухой нос: «А не отловить ли сейчас какую-нибудь породистую сучку и…» И опускал морду на лапы, прижимался облезлым боком к ребристому теплу батареи и засыпал ровно в ту секунду, когда кровать замолкала, а Машка испускала радостный вопль, тем самым ставя жирную точку в очередном радиоспектакле для обитателей трущоб.

Продолжая подниматься по ступенькам мимо квартир, скрывающих старушек с водкой и прибылью за день, я также вспоминал «Преступление и наказание» и думал о том, что иной студент с топором мог бы здесь неплохо поживиться. Отогнав мрачные мысли, постучал в восемнадцатую. Не сразу, но тишину нарушили звуки шаркающих тапок, скользящих по натертому до блеска тапками же паркету.

– Хтойтам? – раздалось через несколько мгновений после того, как тапки стихли за дверью.

– Санна Федоровна, это я.

Послышался звук снимаемой цепочки, заскрипел замок, затем снова звук цепочки, и дверь приоткрылась. Женщина решила не приглашать меня на чай с пирожками, более того, не захотела даже меня впускать. Это плохой знак. Через узкую щель приоткрытой на длину цепочки двери на меня смотрели сердитые глаза.

– Ну, как? – спросил я, уже предполагая ответ.

– Никак. За водкой опять пришел? Плати тогда! Ишь ты, запудрил мне мозги! А я уши-то и развесила! Егоровне сегодня рассказала, она меня на смех подняла. Ну и дура ты, Федоровна, говорит…

– Что? Вообще никак?

– Ваще! Давай, иди отсюда, внучок, подобру-поздорову…

И дверь закрылась. Я стоял подавленный. Судя по тишине за дверью, старушка тоже стояла и подслушивала.

– Давай-давай, иди отседа, а то милицию вызову, – глухо прозвучало через минуту.

Я вышел на свежий воздух. На улице было совсем уже темно. Двор едва освещал одинокий, чудом уцелевший фонарь. Остальные были либо разбиты, либо давно погасли, но в основном лампочки были выкручены предприимчивыми современниками для торговли или личных целей. Я нашел Миху по красному огоньку сигареты.

– Ты что, пустой? – Миха выглядел разочарованным.

– Угу.

– Мы же с ней договаривались! Ты же говорил…

– Не вышло ничего.

– Совсем?

– Совсем.

Миха сел на лавочку и прикурил еще одну сигарету прямо от окурка предыдущей.

– Фигово. – Это нелитературное слово прозвучало в тишине московского двора словно эпитафия на надгробном камне наших несбывшихся надежд. Какую глубину оно несло, сколько грусти и мудрости прошлых поколений…

– Фигово, – согласился я. – Зато оторвались на полную катушку. Я несколько раз реально чуть не заржал, когда они нюхали это пойло и находили там запах «сосновых веточек».

Миха заулыбался:

– Да, и у меня было пару таких персонажей. Один мне доказывал, что это не сосновые, а еловые ветки, и разница принципиальна.

Мы шли домой по пустым ночным улицам и хохотали, вспоминая события дня. Время от времени открывалось какое-нибудь окно, и некто в трусах и майке орал что-то вроде: «Заткнитесь, сволочи, сейчас милицию вызову!» – но нам было плевать. Это был наш район, это была наша жизнь, и пусть наша затея не удалась, настроение было отличное.

Этой ночью я долго не мог уснуть. Снова и снова прокручивая цепочку событий в голове, я пытался понять, в чем причина провала. Казалось, все было продумано, беспроигрышный вариант… А вдруг бабка врет? И клиенты были. Да нет, ни к чему ей, да и не Раневская она… Может, это я выбрал неправильные образы? Конечно! Вот дурак. Алкаши, люди, в основном, прямые и простые, а я им про «дымок костра» и «сосновые веточки»! Надо было давить на цену и чистоту спирта. Говорить о понятных вещах, придумать какой-нибудь «тройной перегон»

или «югославский самогонный аппарат». А я пытался с уставшими работягами говорить поэтическим языком. Но теперь-то что – после драки кулаками… Я тысячный раз перевернулся и подоткнул одеяло, сон не шел. Надо было послушать Мишку и просто выпить эти две бутылки! Куда я полез? «Александра Федоровна», «я ей обещал помочь», «я так не могу»… Тьфу!

Я открыл глаза и уставился в окно. Я любил свое окно. Оно было большим и в хорошую погоду в него были видны звезды и луна, которая совершала шествие из одного угла рамы к другому. Как правило, когда уходила луна, засыпал и я. Сегодня погода была облачной, и окно смотрело на меня мертвым черным глазом, словно бы в наказание отменив киносеанс. Разочарование сменила обида.

А бабка-то, бабка! Ух, Александра Федоровна! Стерва. Я ведь помочь хотел, думал, старался… Ну, блин, не вышло, но я же не обманул ее, я пробовал, а она: «Милицию вызову!» Сука…

Несмотря на неудачный итог моей затеи, я был воодушевлен и взбудоражен. Процесс создания образа, его раскрутки и поворота сознания людей в нужную сторону захватил меня целиком. Позже циничные и продуманные люди скажут мне, что это называется простым и тупым словом «маркетинг». Сначала оно будет нести некий романтический оттенок, как и все, пришедшее к нам с запада, а после станет примитивным и обыденным. Каждый офисный придурок сможет козырять этим словечком к месту и нет, а использование азбучных основ этой псевдонауки любым олухом, связанным с продажами, будет таким же естественным делом, как поесть или справить нужду. Но мне, юнцу, находившемуся в процессе изобретения велосипеда, казалось, что в этом всем есть какая-то магия. Мне казалось, что для достижения цели мало умения, непременно нужна какая-то искра, талант, удача и вдохновение. И кое-что из перечисленного не покинуло меня и позже, когда я впитал все примитивные знания, которые могут предложить современные оккультные науки «PR&PROMO&MARKETING».

На следующий же день после фиаско с «сосновыми веточками» мы забыли о нем. Катастрофы, как и обиды, в те годы были мимолетны. Они не оставляли морщин и седых прядей. Даже послевкусие было невесомым и легко смывалось стаканом газировки за три копейки. Конечно, было неплохо, если с двойным сиропом… И особенно замечательно, если хватало на два стакана! Ты подходишь к

серенькому автомату, моешь граненый стакан (из которого до тебя пили сотни людей и до которого сегодня ты даже коснуться бы побрезговал), переворачиваешь его, бросаешь мелочь в узкую щель приемника, автомат бурлит, шипит и выдает сначала поток минеральной воды, а потом и желтую струйку сладкого сиропа. Первый стакан ты опрокидываешь, разумеется, залпом и тут же наполняешь снова. Человек, стоящий в очереди за тобой, ворчит, но тебе плевать. Вторую порцию пьешь медленно, с расстановкой, вкушая каждый оттенок этого благородного букета. Хорошо… А после ты стоишь на мосту, переброшенном через железнодорожные пути от Ленинградского проспекта к улице Горького, плюешься шелухой в проезжающие под тобой электрички, рядом твой лучший и еще живой друг, солнце слепит, ты щуришься и делаешь это с удовольствием. Время течет медленно, словно сгущенка выливается из банки, которая еще скорее полна, и даже более чем наполовину… И тебе уже безразличны вчерашние неудачи, твой день наполнен новыми встречами, радостями, приключениями, разочарованиями, обидами – всеми красками жизни.

Вечером мы с Михой сложили карманные накопления и поняли, что нам хватит не только на выпивку, но даже и на закуску… Наверное, складывается впечатление, что речь идет не о двух школьниках, а о закоренелых алкоголиках и рецидивистах. У нас были все шансы стать таковыми, ибо, поняв, что мы обладаем необходимой суммой, мы тут же направили наши стопы в «Пьяный дворик», обзавелись бутылкой самогонки и оккупировали нашу любимую песочницу. Удивительно, но вид поглощающих так открыто алкоголь подростков никого из окружающих не смущал. Милиция в этот двор никогда не заглядывала, возможно, этот момент с местным бизнес-сообществом был даже как-то отдельно согласован… А люди, то и дело снующие мимо, смотрели либо под ноги, либо прямо. Время было такое, что совать нос в чужие дела было не принято, и любопытство могло довести до неприятностей. А пьющие водку подростки вполне могли стать их источником. Поэтому мы не прятались по темным подворотням, а сидели в песочнице, запивая водку «Тархуном» и закусывая сига- ретами.

Когда наш ужин естественным образом подходил к концу, то есть водка закончилась, а «Тархун» еще плескался на донышке, на горизонте двора появилась фигура, явно следующая в нашем направлении. Двор уже почти погрузился в полный мрак, но можно было точно сказать, что фигура эта не принадлежала ни милиционеру, ни какому-то могучему дядьке, ни Андрюхе-самбисту, который, когда напивается, может дать в глаз, а значит, бояться было вроде нечего… Между тем мы приняли позы, удобные для того, чтобы в случае чего моментально рвануть с места. Фигура приблизилась и оказалась

Александрой Федоровной. Старушка смотрела на меня в упор. Старушка… Я вот сейчас задумался вдруг – а сколько ей тогда было лет? Уж наверняка не больше, чем сегодня какой-нибудь Мадонне. Но не было еще салонов красоты, уколов ботекса и пластических хирургов, а главное – не было атмосферы и какого-то газа в воздухе, из-за которого по сути не старая еще женщина хотела бы молодо выглядеть… Итак, старушка смотрела на меня в упор и молчала, я отвечал ей взаимностью, пытаясь понять, что ей от меня надо.

– Не знаю, что ты сделал, – она щурилась и жевала губы в паузах между словами, как бы раздумывая над каждым произнесенным звуком, – но сегодня был самый успешный день за все время торговли. Я тут давеча наговорила тебе… – она извлекла из авоськи две бутылки самогонки и полиэтиленовый пакетик с солеными огурцами. – В общем, я была не права. Ты это… Что ты там такое намудрил, давай продолжим… – Она смотрела на меня. Я молчал.

– Извините, что вмешиваюсь, – неожиданно решил заполнить паузу Мишка, – но вы сильно обидели моего друга… очень сильно. Он – натура творческая, епть, ранимая, художник в общем, а вы… – Глаза бабы Шуры забегали от Мишки ко мне, пытаясь понять, правду ли он говорит, а Миха продолжал вколачивать гвозди: – К тому же нам поступило выгодное предложение от вашей коллеги из соседнего подъезда, и мы как раз обсуждали с моим партнером возмож- ность…

– Предлагаю еще рупь каждый день. – Баба Шура давно жила на этом свете, принципы рыночной торговли, которые только начинала вкушать страна, она опробовала неоднократно на своем собственном горбу и упускать возможность не соби- ралась.

– Три! – Миха подскочил к самогонщице, взял у нее водку, огурцы, потряс в знак заключения сделки ее мозолистую руку и протянул свою в ожидании обещанной суммы. Баба Шура отодвинула наглеца в сторону и подошла ко мне, извлекла из матерчатого древнего кошелька два мятых рубля и протянула их. Я, выдержав для общей картинки паузу, взял деньги, она улыбнулась, развернулась и зашаркала в сторону своего подъезда, бросив через плечо:

– Завтра вечером заходи! Или в конце недели, сразу все получишь.

Когда за Александрой Федоровной закрылась дверь, я повернулся к Мишке:

– Работает!

– Еще как! Тридцать бутылок водки в месяц!

– Система работает! – кричал я.

– И шестьдесят рублей в придачу! – не уступал Михаил.

Это был вечер триумфа, вечер радости и опьянения не только вновь появившейся водкой, но и сладким ощущением собственной невероятной силы, способности изменить реальность, направить течение жизни в нужное русло. Эта сила, эта магия, причастность к ним радовали меня намного больше, нежели грядущие материальные блага. И если Мишка отдался ликованию полностью, то я никак не мог отогнать преследующие меня мысли. Они требовали, чтобы я уже начинал продумывать возможности дальнейшего развития событий.

– Надо бы у старушки подробно расспросить, кто именно приходил, что именно говорил…

– Че? – Мишка бросил на меня непонимающий взгляд. Я махнул рукой.

Это чувство в дальнейшем будет часто посещать меня, оно станет глубже и острее. Зверский голод, требующий постоянного движения дальше, мешающий насладиться моментом. Он будет гнать вперед и заставлять хвататься за новую цель, не успев порадоваться достижением предыдущей. Желудок этого зверя растянется до невероятных размеров, постоянно требуя новой и более питательной пищи. Это чем-то сродни жажде власти и денег. Когда кажется, что все достигнуто, завоевано, украдено, все враги убиты, где-то внизу живота начинает ныть и сосать твой личный маленький дракон, помогая тебе найти новую мишень и вцепиться в нее когтями. И ты понимаешь, что это уже не способ выживания, это – спорт. И ты находишь себе новых врагов, если таковые имеются, а если их нет, то со временем лучшими врагами станут лучшие друзья, вы уж мне поверьте. Ты тонешь в этой массе желаний, рвешься к каким-то призрачным целям, пока не осознаешь страшный факт – ни цели, ни желаний у тебя давно нет, ты боишься остановиться и оглянуться назад, потому что, скорее всего, самое главное ты давно пропустил, пробежал мимо, глядя только вперед, пролетел на полных парах, влекомый этим неутолимым голодом. А настоящая твоя жизнь, твоя судьба, так и осталась где-то позади стоять на забытом

полустанке твоих бесконечных дорог, в недорогом пальто и размазанной по заплаканному лицу косметике. Она не окликнула, не побежала следом, она отнеслась ко всему с пониманием: «У него куча важных дел, куда ему до меня?» Какие важные дела заставляют нас отказываться от самого ценного в нашей жизни? Почему нам никогда не хватает времени на те вещи, о которых мы будем вспоминать перед смертью как о самых восхитительных мгновениях нашего бытия. Куда ты бежишь? Хоть иногда притормози, пройдись по своей быстротечной дороге из желтого кирпича пешком. Ты удивишься, как много ты не замечал прежде, оно мелькало там, за окном, но из-за высокой скорости сливалось, замыливалось единым стремлением – вырваться вперед. Остановись, и ты увидишь, что годы делятся на месяцы, месяцы на недели, те, в свою очередь, на дни. Скажете, это очевидно? Но самое очевидное более всего неподвластно нашему пониманию, простые истины Земли даются не так просто, как кажется. Поэтому, поверьте, есть смысл ощутить, что при определенном отношении к жизни стрелки сбавляют свои обороты, замедляют свое движение, и река времени подхватывает тебя и медленно несет на своих неспешных руках; и дни тогда могут быть бесконечно долгими, и каждый из них оставит след не только морщинами на лице, но и приятными воспоминаниями в сердце. Для этого нужно немного. Притормозить. Притормозить. Притормозить.

Накоплю и уеду

– Алло, да… – Я сел на кровати и сразу вытянул из пачки сигарету. Последняя американская. Сделанные в России курить невозможно.

– Хорошо, скоро буду.

Бросил смартфон на кровать, закурил и подошел к окну. Из окна моей квартиры в Крылатском открывается прекрасный вид. Ничтожная компенсация за отвратительную жизнь. Что же я буду курить, пока моя машина ползет до офиса? И потом, пока водитель доедет до ларька… Почему наше правительство, которое так заботится о здоровье граждан и вечно запрещает им то пить, то курить, не может позаботиться о качестве сигарет?

По утрам мне всегда плохо. Я постоянно ворчу и возмущаюсь, не важно, по какому поводу. Не помню уже, когда я просыпался с улыбкой на лице, когда

радовался тому, что начинается новый день. Я засыпаю уставшим и просыпаюсь изможденным, словно всю ночь напролет толкал свой камень в гору. Первым делом тянусь за сигаретой. И хотя во рту сохранилось устойчивое гадкое ощущение еще от вчерашних трех пачек, и курить особо не хочется, я сквозь кашель и отвращение поглощаю эту утреннюю порцию яда. От нее становится еще хуже, сразу хочется почистить зубы или хотя бы прополоскать рот. Это заставляет меня доползти до ванной и начать собирать себя по частям. Постепенно, штрих за штрихом, с помощью зубной щетки, холодной воды, триммера и расчески, в зеркале вместо изможденного и потасканного неудачника средних лет вырисовывается успешный, довольно молодой еще бизнесмен. Я несколько раз натягиваю на лицо улыбку, как бы проверяя ее на искренность, облачаюсь в костюм, проглатываю чашку кофе со второй сигаретой и выхожу из дома. Водитель ждет у подъезда. Я падаю на заднее сиденье, открываю окно и закуриваю. Пока мы расталкиваем автомобили в пробках, я привожу мысли в порядок и вспоминаю, кто я, куда еду и что мне надо сделать, чтобы еще немного заработать.

Я так и не выбрался из колеи. Не хватило смелости, удачи, воли или еще чего-то там. Был лишь один образ из прошлого, который время от времени настигал меня во сне и пытался напомнить о чем-то тайном, что я знал когда-то, вернуть меня на какой-то путь. Странно, что в роли ангела выступал именно этот человек, которого я не видел уже десятилетия, чекист, с которым судьба меня столкнула в начале девяностых. Почему-то подсознание выбрало именно его облик, но скорее всего, никакого потаенного смысла в этом нет, просто игра воображения. Да и со временем призрак Серого стал посещать меня все реже, он уже призывал меня к чему-то важному, большому, главному. Я воспринял это с облегчением, потому что в этих снах-видениях я неизменно тонул в вязкой мягкой субстанции, опознать которую мне никак не удавалось. И это странное болото не давало мне дотянуться до яркого холма, на котором восседал Серый и убивал меня правдой и непонятными аллегориями.

Помню, когда я вернулся в Москву, у меня был четкий план. Сперва куплю шикарный автомобиль, думал я, «Бентли», или «Мерседес» S-класса. Жилье для начала сниму, а там решим. Продам мамину квартиру. Мама. Она умерла, я так и не увидел ее перед смертью. Да и не звонил ей почти год до этого. Мне позвонил отец и сказал об этом, а еще о том, что она все завещала мне, и бросил трубку. Не хочу жить в квартире, где мы втроем ели жареную картошку и смеялись, лучше сниму чего-нибудь, а там решим. И в отпуск надо поехать. В Дубай.

Водитель так резко затормозил перед офисом, что я чуть не ударился головой о переднее кресло. Стряхнув с себя остаток сна и глупых воспоминаний, я натянул строгое, но счастливое лицо и легко выпорхнул из автомобиля. Охранник распахнул передо мной дверь, и понеслось. Здесь я забывался, это было мое царство, мой «Гугл». Я не успевал отдохнуть или пообедать. Перелетая от бухгалтерии к креативному отделу, от отдела продаж к дизайнерам, я погружался в состояние анабиоза. Я ходил, действовал, говорил что-то, просматривал и утверждал макеты, но это был словно и не я. Истинный я работал в это время калькулятором – считал, считал, считал: сколько еще в этом месяце я смогу положить в банковскую ячейку. Это было главной моей целью. Это был мой секрет, мой Золотой ключик, моя Прелесть… Это был мой путь на волю. Я мечтал о том, что когда-нибудь я перестану быть рабом лампы и снова обрету паруса. Словно чайка по имени Джонатан Ливингстон, я изменю привычную траекторию полета и, наконец, воспарю. Уеду куда-нибудь на Кубу или в Камбоджу. Я думал сначала, что для этого мне нужен миллион долларов. «Андрей накопит миллион, и улетит на Кубу он», – напевал я себе под нос в течение рабочего дня. Миллион я заработал, но он невероятно быстро испарился. Машина, аванс за квартиру, модные шмотки… Ладно, решил я, очевидно, что инфляция быстрее меня. Но я не сдамся без боя. Наверное, чтобы закрыть все вопросы, мне нужны пять миллионов. Но эта столь необходимая мне сумма никак не накапливалась. То я отправлялся на фестиваль рекламы в Ниццу с очередной секретаршей, то приобретал золотые «Ролексы», то уходил в загул на неделю. В общем, ячейка наполнялась медленно, а иногда и вовсе была пуста. И я по-прежнему находился в рабстве. Я не распоряжался собой, был рабом офиса, рабом Владимира – мужа Маши, рабом сигарет, виски, непрерывной череды покупок, необходимых для поддержания видимости шикарного существования. Эта иллюзия была мне необходима для того, чтобы зарабатывать больше денег, которые я спускал на эту иллюзию. Замкнутый круг, лабиринт тщеславия и жадности. Я стал рабом страха, что все это может закончиться в любой момент. Я боялся, что Владимира, мужа Маши, уволят из газовой компании или ему просто надоест поддерживать бизнес, и он закроет нашу креативную лавочку. Боялся, что ему изменит Маша, или они просто поссорятся, и он отнимет у нее игрушку. Боялся Маши, что она решит избавиться от меня, как неприятного и лишнего воспоминания, и возьмет на мое место кого-нибудь перспективнее. Мне казалось, что положение мое случайно и связано исключительно со стечением обстоятельств, и в любой момент меня выведут на чистую воду – придет какой-то взрослый дядя, возьмет меня за ухо и выгонит на улицу: «А ты кто такой? Пошел вон отсюда». Нельзя показывать свой страх. Нельзя допустить, чтобы хоть кто-то догадался о том, что происходит у меня внутри. Поэтому почти все силы я тратил на создание видимости невероятной

легкости моего бытия, беззаботности и уверенности. И эта шизофрения съедала меня, лишала сна, поэтому до поздней ночи, а чаще – до раннего утра, я проводил время с водкой, виски и марихуаной. Они стали моими близкими и единственными друзьями, иногда нашу компанию разбавляла одна или несколько проституток, до секса доходило нечасто. И только под утро я забывался неспокойным сном, чтобы уже через пару часов очнуться от будильника или телефонного звонка и начать по кусочкам собирать себя для создания вышеперечисленных иллюзий.

Что стало с вдохновением? Оно покинуло меня. Я так сильно стал бояться допустить ошибку, что фантазия уже не летала, как прежде – свободно и нестандартно. Чтобы не допустить промах, я шел проверенными, банальными путями. Разрабатывая ту или иную рекламную кампанию, я пересматривал свои предыдущие работы и часто крал идеи у самого себя, а иногда открывал зарубежные каталоги или залезал в Интернет и заимствовал идею у талантливых коллег. Былые изящество и смелость предали меня, ушли к молодым и нищим. Я нанял несколько юных и креативных людей, которые часто мне помогали. Они не были закрепощены моими комплексами и фобиями, они не были привязаны к банковской ячейке, жили в удовольствие, вечера коротали вместе в боулинге или в барах, пили пиво, а потом возвращались в свои съемные «однушки» в Бибирево и любили друг друга до потери пульса, крепко засыпали в объятиях и приходили на работу веселые и отдохнувшие. Однажды вечером я присоединился к ним, но быстро почувствовал себя инородным телом. Мы отправились в клуб. Разговоры были какими-то пластмассовыми, анекдоты не смешными, было очевидно, что я им мешаю. Играл какой-то модный диджей, чья музыка меня не просто не трогала, а вызывала раздражение, я пошел к стойке бара, заказал виски. Как только я отошел, они словно проснулись, девушки начали весело смеяться и заигрывать с парнями, стали танцевать. Я расплатился за выпивку и незаметно покинул заведение. Больше я им не навязывал свое общество. Одному было проще. Сесть на диван, наполнить стакан самым простым «дьюарсом», забить папиросу, включить старую пластинку Наутилуса и улететь хотя бы мысленно в то время, когда все было куда проще, понятнее. Когда был выбор. Когда я мог кем-то стать. Кем-то, кто мне понравился бы, кем-то, кем я мог гордиться. Кем-то, кто был свободен, жил в залитой солнцем мансарде, любил и был любим. Маша. Первые годы мне было тяжело видеть ее так часто. Видеть и понимать, что она не моя и никогда моей не станет. Постоянно встречаться с живым напоминанием того, какой я идиот. Позже я научился прятать это чувство глубоко за цинизмом и рубцами на душе, которую я покрыл настолько толстой коркой, что ничто не могло отвлечь меня от главной цели. Пять миллионов. Еще немного. Еще чуть-чуть. С понедельника. Возьмусь за

себя. Брошу пить, брошу курить, займусь спортом, снова начну читать книги. Перестану разбрасывать деньги по ветру и накоплю. Накоплю.

Тем более теперь, когда у меня появился этот странный клиент, когда работа по укреплению правильного имиджа Украины набирает обороты, а мои анонимные блогеры и ютуберы штампуют по сотне фейковых новостей ежедневно, цель еще ближе. Накоплю и уеду. Главное, не наследить. И не жадничать. Вовремя остановиться. Накоплю и уеду. Алкоголь расслаблял тело, трава расслабляла мозг, я успокаивался.

Кейс № 2. Вазген

Как ни странно, длинные, полные смысла дни в большинстве своем приходятся на детство и юность. Погоня за местом под солнцем еще не захватила неокрепший организм. Человек напоминает поезд, который аккуратно трогается от тупиковой платформы, медленно крадется мимо провожающих, выходит на простор, покидая пределы вокзала, и разгоняется-разгоняется, пока не приходит время сбавить ход, а потом и вовсе остановиться навсегда…

Перед нами, людьми, которым только исполнилось четырнадцать, подобных размышлений, жизненных тупиков и поводов вешать нос пока не появлялось, и даже щедрые на варианты направлений развилки наш экспресс проскакивал легко и без оглядки. Вскоре после нашего водочного триумфа мы, как обладатели ежедневно пополняющегося запаса водки, стали значимой частью жизни района, а взрослые пацаны приняли нас в свою компанию. Собирались, как правило, в детском саду вечером, пили, курили, трепались, пели песни под гитару или слушали музыку на кассетнике. Попса медленно поднимала свою мелированную голову, но предчувствие грядущей революции, нищета и предел терпения наполняли зрителями стадионы на концертах непричесанных музыкантов. Удивительно, но эти же люди, которые в косухах и банданах подпевали на стадионе Шевчуку «Еду я на Родину», позже, наладив быт и наевшись нефтедолларовых деликатесов, перейдут на спокойный мещанский телевизионный и музыкальный продукт, отвернувшись от протеста. «Пусть кричат «уродина», а она нам нравится…» Но до этого еще надо было дожить.

В дворовых компаниях, разумеется, вопрос «Откуда у таких шкетов, как вы, такое количество бухла?» время от времени всплывал. Но мы с Мишкой условились своих секретов не разглашать и в ответ лишь таинственно усмехались. Не забывали мы и про бабу Шуру и время от времени проводили рекламные рейды в среде местных алкашей. Через какое-то время нам даже пришлось прибегать к услугам нанятых «актеров», потому что наши физиономии в клиентской базе «Пьяного дворика» были уже основательно засвечены. Бизнес Александры Федоровны процветал, и она не только неукоснительно выполняла свои обязанности по нашему договору, но еще и часто давала премии, а также регулярно угощала меня чаем с пирожками или конфетами. Мишку она на порог не пускала, она его терпеть не могла и не скрывала этого, он платил ей взаимностью. Как ни странно, делу это нисколько не мешало, даже наоборот, прибавляло какой-то комический оттенок.

Как-то раз, когда я зашел за еженедельной зарплатой и был приглашен на чаепитие, баба Шура оказалась не одна. Надо сказать, что и «бабой Шурой» в этот вечер ее как-то назвать язык не поворачивался. На ней было красивое синее платье, оказалось, что там даже фигура присутствует, и талия на месте, и грудь «ого-го». Привычные рваные тапочки сменили вполне приличные туфли, платок пропал, обнаружились волнистые волосы, собранные в аккуратный пучок, косметика аккуратно прошлась по лицу, брови подчеркнуты, губы подкрашены, глаза веселые. Картину венчали напоминающие люстры огромные, сразу видно – старинные, серьги в ушах. Я не стал отказываться от приглашения, потому что мне было чертовски любопытно, что случилось с нашей «бабушкой» и чем вызваны такие метаморфозы. Причина сидела за столом в комнате, которая, кстати, тоже сильно преобразилась. Кровать в углу была аккуратно прибрана, подушки в белых наволочках были сложены в почти стройную пирамиду. Было очевидно, что в комнате прошла влажная уборка с проветриванием, пахло приятно духами и цветами, огромными красными розами, стоящими на столе в красивой вазе. Привычную, прожженную горячими кастрюлями клеенку сменила нарядная скатерть, кроме традиционных чайника и вазы с конфетами на столе разлеглись соленья, во главе царствовал салат оливье; горячая отварная картошка и сметана рядом с ней вызывали слюноотделение, потом взгляд скользил по аппетитным котлетам, которые расположились рядом с запотевшей бутылкой водки, возвышавшейся над этим невиданным для тех лет столом. Гость, увидев меня, широко улыбнулся, сверкнув сразу несколькими золотыми коронками.

– Проходи, дорогой! – Армянин лет шестидесяти бодро встал, придвинул третий стул и протянул руку: – Вазген.

Рука у него была большая и сильная, это чувствовалось, хотя он и не стремился показать свою мощь, сжимая руку собеседнику, как это часто делают закомплексованные люди. Напротив, он взял мою ладонь бережно, словно боялся сломать. Для своих лет он выглядел очень хорошо, подтянуто, имел небольшой животик, был аккуратно одет – пиджачок висел на спинке стула, подтяжки не давали упасть раньше времени брюкам… Свидание. Я улыбнулся.

– Андрей, – представился и я.

– Выпейте, Андрей, – Вазген наполнил три рюмки, мы чокнулись и под громкое вазгеновское «За здоровье!» выпили… Я впервые пил водку ледяной да из холодной рюмки. Это были совсем другие ощущения, надо сказать. Вазген протянул мне огурчик, я благодарно кивнул и захрустел закуской, Александра Федоровна накладывала мне салат, а Вазген снова наполнил емкости:

– Мне Сашечка, – говорил Вазген с акцентом, но достаточно грамотно и прибегал к вычурным литературным оборотам, что в сочетании звучало достаточно забавно и обаятельно. Позже выяснилось, что до перестройки Вазген работал учителем русского языка и литературы в Ереване. – Царь-птица моя, рассказала, как вы, Андрей, привнесли в ее темное царство луч надежды и помогли подняться на новые высоты распространения ее вкуснейшего зелья. Выпьем, Андрюша, за ваши дела. Все проходит, дела остаются. Вы помогли хорошему человеку, когда-нибудь это бумерангом вернется к тебе, дорогой! – Вазген постоянно скакал с «вы» на «ты». Мы выпили, закусили, тепло разлилось по жилам, стало хорошо и уютно.

– И я, дорогой, хочу тебе приятно сделать! У меня бизнес, как теперь говорят… – Вазген ухватил большую картофелину и аппетитно отправил в рот, – на Тишинском рынке. Несколько ларьков, магазинов… Есть обувной магазин. Там окно старое, некрасивое такое окно. В него ничего не видно, из него ничего не видно, хочу там плакат повесить какой-нибудь. Так, для красоты. Бизнес и так хорошо идет, хочется эстетического удовлетворения, что-то веселое, может… Ты мне нарисуй и напиши что-то!

– Спасибо большое за предложение, но я как-то рисовать… не очень.

– Ты не спеши, дорогой, приходи завтра на рынок, окно посмотри, нарисуешь, сочинишь – сто долларов тебе заплачу, просто потому что ты человек хороший, –

тут Вазген покосился на «Сашечку», проверяя произвел ли эффект своей щедростью. Удовлетворенный результатом, вернулся ко мне: – Ну, а справишься, подумаем, что еще можно этакого пофантазировать, хозяин рынка мой хороший друг… Давайте выпьем за друзей!

Я пробирался, пошатываясь, сквозь ночные августовские запахи, напевая что-то из «Воскресения», тянул заграничную «Магну» и думал о том, что пора бы поразмыслить, чем заниматься по жизни, какой работе себя посвятить. Рассуждал о том, что мои рекламные махинации приносят не только доход, но и удовольствие, о том, что никогда еще не видел сто долларов, и о том, как их потрачу. Куплю себе магнитофон… «Зеееркало миииpa…» – почти в голос пел я. Нет, отложу, начну копить на что-нибудь, на мотоцикл… Нет, лучше маме что-нибудь куплю… Или так – и маме что-то, и магнитофон себе…

– Эй, у тебя закурить есть? – прервал мои размышления тонкий ломающийся голосок. В размышлениях о прекрасном будущем я не заметил внушительную компанию, которая шла мне навстречу по Ленинградскому проспекту. Типичные гопники, лет по двенадцать-тринадцать, каждый ниже меня на голову, но человек десять. Бритые головы, широкие клетчатые штаны. Словно стая шакалов рыскали такие отряды по московским улицам в поисках таких одиночек, как я. Особенно непросто приходилось любителям рок-музыки, причастность к коим во мне выдавали кожанка и бандана… Опьянение, которое еще минуту назад доставляло мне радость, превратилось в тяжелое бремя. Они подошли вплотную, окружили, бежать назад было поздно.

– Не курю, – процедил я в ответ сквозь зубы и потушил сигарету о лицо ближайшего любера.

Горький и богатый опыт таких встреч подсказывал: только инициатива и наглость могут тебе помочь в подобных ситуациях. Эти подонки рассчитывают всегда на то, что застанут вас врасплох. Нормальный человек не готов к таким обстоятельствам. Выбрав самого здорового, я нанес ему удар кулаком в челюсть, махнул ногой (как Брюс Ли!) и, заставив этим нелепым жестом толпу сделать шаг назад, побежал. Причем побежал вперед, напролом. Все сработало, я повел себя настолько нестандартно, что они опешили. Протаранив строй, я вырвался на оперативный простор и помчался что было сил. Я этот район знаю как свои пять пальцев, и, конечно, найду, где укрыться. Оглянулся назад – бегут сволочи, снова смотрю вперед, ах ты… Какой-то урод, предположительно, из этой самой

компании, когда шел мне навстречу, опрокинул мусорный бак прямо на тротуар, об него-то я и споткнулся… лечу… падаю… обдираю ладони об асфальт… молниеносно поднимаюсь… бегу… сзади дыхание… чувствую удар по ногам, снова падаю, группируюсь, закрываю лицо руками, прижимаю колени к животу… начинают бить ногами… Расчета на милицию, конечно, нет… Больно. Если бы изначально не сопротивлялся, побили бы, ограбили и отпустили, а теперь и убить могут… Больно… Чья-то нога пробила мои ладони и ботинок врезался в нос, потекла соленая горячая жидкость… Подкрался туман, сквозь который я услышал рев двигателей…

– Живой?

– Хрен его знает. Посмотри.

Меня аккуратно перевернули на спину, я попытался открыть глаза, все закружилось, открыл один, сфокусировал зрение. Надо мной склонился бородатый мужик, в кожаной куртке, бандане, остальное я разобрать не смог, кажется, получил сотрясение мозга.

– Ты как? – Мужик начал аккуратно трогать мои руки и ноги. – Кости вроде целы. Покажи лицо.

– А вы что, доктор? – прошепелявил я и сплюнул сгусток крови. Нижняя губа к тому моменту серьезно распухла.

– Ага, – хохотнул кто-то на заднем плане, – хирург.

Я почувствовал пальцы на своем лице.

– Вроде и тут все норм. Попробуй встать.

– Мне уже лучше. Я тут рядом живу. – Мне действительно становилось легче, я сел на бордюр и, прищурившись, пытался оценить обстановку.

– Гопники в конец оборзели, – бородатый сплюнул. – Пора очистить город от них, особенно Парк Горького… Игорь, довези парня до дома, только нежно, а мы

посмотрим, может, еще кто по округе шастает.

Видеть нормально я еще не мог, но, судя по звукам заведенных моторов, мотоциклов двадцать рядом стояло точно. Через мгновение они умчались, а мы остались вдвоем с Игорем, который заботливо меня, как слепого котенка, посадил на мотоцикл и довез до дома, ехать было недалеко, минуту буквально. Прищурив один глаз, смог прочитать эмблему на спине у мотоциклиста: «Ночные Волки Москвы».

Я слез с мотоцикла у своего подъезда.

– Ты это… Лучше утром к врачу все-таки сходи! – бросил на прощание Игорь и умчался догонять своих. Воцарилась полная тишина, разве что голова гудела, но слышно это было одному лишь мне…

– Классный денек, – мой голос в тишине прозвучал гулко и странно.

– Нагулялся? – спросил себя я.

– Нагулялся, – ответил я себе.

Тихо пробравшись в свою комнату, минуя ванную и укрывшись под одеялом, я сочинил первые в своей жизни стихи:

Чертополох цепляет лихо

Штанину правую мою.

Но я молчу, блин… Надо тихо

Пробраться в комнату свою…

Оседлав впервые в жизни сомнительную рифму, я, окровавленный, но довольный, уснул.

Проснулся я рано, от головной боли, но еще долго не вылезал из-под одеяла, прислушиваясь к звукам в квартире, выжидая момент, когда родители уйдут на

работу. Разок дверь в мою комнату приоткрылась, и я услышал, как мама шепнула отцу: «Еще спит». Вскоре хлопнула входная дверь, и в доме воцарилась тишина. Я наконец смог выбраться из укрытия и дохромать до ванной. Осмотрел отражение, остался доволен; кроме нескольких синяков, подбитого глаза и разбитой губы сильных повреждений не обнаружил… Горячий душ обжигал царапины и ссадины, пришлось сделать воду попрохладнее.

Чертополох цепляет лихо

Штанину правую мою.

Но я молчу, блин… Надо тихо

Пробраться в комнату свою… —

продекламировал я, вытирая волосы полотенцем, и в голос захохотал. Я вспомнил лицо отморозка, которому я прижег щеку окурком, погоню, и мне стало почему-то безумно весело. Остро, буквально перцем на разбитых губах, я ощутил вкус жизни, почувствовал, как я молод, поверил в свои силы, которым, как казалось в эту секунду, нет предела… Нарисовать плакат? Сочинить стихи? Да без проблем! Легко! Где тут завалялись мои мольберт, холст и краски?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emel-yanov_roman/vata-ili-ne-vse-tak-odnoznachno

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить